

Анна Голубкова

«Вот лежит в амбаре пулемет»

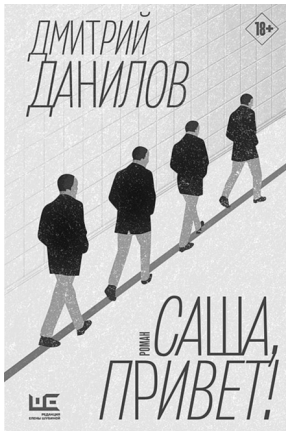
DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_300

Данилов Д. Саша, привет!

М.: Редакция Елены Шубиной, 2022. — 256 с. — (Классное чтение).

Заслуженная популярность Дмитрия Данилова связана в первую очередь с драматургией (премия «Золотая маска» в номинации «Лучшая работа драматурга» в 2018 году), хотя начинал он как прозаик. И первые его прозаические книги выходили в независимых издательских проектах «Красный матрос» и «Ракета». Затем проза Дмитрия Данилова стала регулярно публиковаться в журнале «Новый мир». В 2010 году в издательстве «Эксмо» вышел роман «Горизонтальное положение», который попал в финал премий «Большая книга» и «НОС». Этот роман вызвал бурные дискуссии, на него было много откликов, профессиональных и просто читательских.

Ранние рассказы Дмитрия Данилова были скорее «реалистическими», иногда в них встречались элементы фантастики. Но постепенно его проза становилась все более отстраненной и обезличенной, приближаясь по своей поэтике к литературе абсурда. И как раз роман «Горизонтальное положение» находится как бы на перекрестке всех этих поисков, соотношение которых оказывается в нем очень удачным. Роман этот представляет собой, с одной стороны, реальный дневник автора, с другой же — искусную имитацию этого дневника, потому что уже в момент создания записи предназначались для дальнейшей публикации.

Второй роман, «Описание города», вышел в 2012 году и подобного успеха не имел. Возможно, связано это было с тем, что доля эксперимента, которую готов выносить современный читатель, в этой книге была явно превышена. Дмитрий Данилов поставил перед собой формальную задачу убрать из повествования все топонимы и наименования различных городских объектов. Это, конечно, сильно усложнило и утяжелило фразу: «Лес, мост, названный в честь одной из дат, примерно как двадцатидесятиапрельский, только другая дата, опять небольшой лес, въезд в Такой-то район, гипермаркет, название которого обозначает геометрическую фигуру, уютные улицы и дома Такого-то района»¹. В результате

получилось, что городская обстановка словно бы мерцает между бытием и небытием, то есть «описание» тоже во многом оказывается имитацией.

Достаточно поздно, уже будучи признанным прозаиком, Д. Данилов начал писать стихи. Причем если в прозе он добивался максимальной отстраненно-

1 Данилов Д. Описание города: роман. М.: Астрель, 2012. С. 152.

сти, то подход к написанию стихов был совершенно другим: «Если говорить о стихах, то там у меня для себя нет никаких правил и ограничений. Это всегда спонтанный акт, а не результат каких-то размышлений, работы»². Первая книга стихов Д. Данилова, «И мы разъезжаемся по домам», вышла в 2014 году в нью-йоркском издательстве «Ailugos Publishing», там же впоследствии были опубликованы и остальные сборники (на данный момент их пять). Критики и раньше называли прозу Данилова поэтической, а после выхода сборников оказалось, что его проза через стихи прочитывается совершенно по-другому. В текстах сразу же обнаружилась фонетическая проработанность. Кроме того, в стихах гораздо четче была обозначена жизненная, в том числе и политическая, позиция автора.

В 2016 году вышел роман «Есть вещи поважнее футбола». Интересно, что в начале этого романа содержится прямая цитата из повести «Дом десять», и таким образом Данилов как бы начинает возвращаться к своей ранней прозе, переписывая ее с совершенно другой точки зрения. В 2016 году в издательстве «НЛО» был опубликован сборник очерков «Сидеть и смотреть», написанных в уже знакомом по «Горизонтальному положению» стиле отстраненного наблюдения за тем, что происходит вокруг имплицитного персонажа. И в конце этого же года Дмитрий Данилов написал свою первую пьесу «Человек из Подольска». Пьеса была опубликована в февральском номере журнала «Новый мир» в следующем 2017 году, а уже в конце мая поставлена в театре «Театр.doc» режиссерами Михаилом Угаровым и Игорем Стамом. И вот с этой пьесы, очень востребованной театрами как в России, так и за рубежом, и началась фактически слава Данилова-драматурга.

Работа для театра, на мой взгляд, очень сильно повлияла на прозу Данилова, не столько, впрочем, изменив ее, сколько в очередной раз перестроив по другим параметрам. Его проза стала более плотной, экономной и, если так можно выразиться, зрелищной. И не случайно сам автор в одном из интервью отметил, что роман «Саша, привет!» близок к киносценарию: «Мой новый роман похож на киносценарий, он поделен на эпизоды, такой полуроман-полусценарий. Мне кажется, из него мог бы получиться фильм»³. В этом романе также переосмысливается и актуализируется опыт ранних рассказов Дмитрия Данилова. Это микроцикл про Мелентьева («Нина Ивановна»; «Нагорная», 2002; «Черная металлургия», 2003) и такие рассказы, как «Фабрика. Осень. Дорога», «Девки на станции», «Николай Степанович» (2002), в которых применяется поэтика абсурда.

Герои этих рассказов вовлечены в процессы, не имеющие ни видимого смысла, ни окончания, что создает ощущение приближающейся катастрофы, которая тем не менее все никак не случается. И вот эта бесконечно отложенная катастрофа в конечном итоге и становится для читателя главным событием текста. Этот мотив в полной мере развивается в новом романе «Саша, привет!». Постоянное ожидание катастрофы напрямую связано с «Сашей» — автоматическим пулеметом, расположенным в коридоре Комбината Исполнения На-

2 Жучкова А.В. «Россию будет не узнать...»: интервью Д. Данилова // Вопросы литературы. 2021. № 6. С. 82–98 (<https://voplit.ru/article/rossiyu-budet-ne-uznat/>).

3 Мазурова С. Драматург Дмитрий Данилов написал антиутопию «Саша, привет!» // Российская газета. 2021. 27 декабря (<https://rg.ru/2021/12/27/reg-szfo/dramaturg-dmitrij-danilov-napisal-antiutopiiu-sasha-privet.html>).

казаний. Никто не знает, когда сработает этот пулемет. Может быть, приговоренному к смертной казни удастся дожить до глубокой старости, но вся эта жизнь пройдет у него в постоянном ожидании чего-то бесконечно ужасного.

Герой нового романа, как и персонажи ранних рассказов, помещается в абсурдную ситуацию, он вовлечен в ряд действий, на которые никак не может повлиять и смысла которых не понимает. Но причиной этой ситуации, ее исходной точкой становится любовная история, прообразом которой явно стали несколько публичных скандалов, связанных с отношениями преподавателей и студенток. Если раньше Данилов стремился к почти полному удалению автора из текста и всячески маскировал свое присутствие в произведении, то теперь он занимает определенную позицию и высказывается вполне недвусмысленно. Ведь тема романа «Саша, привет!» имеет прямое отношение к дискуссиям вокруг так называемой новой этики.

Подобные скандалы для их фигурантов на отечественной почве не имеют почти никаких последствий. Однако у нас есть пример США, где общественность реагирует на такие истории совершенно по-другому. Сам Дмитрий Данилов сказал об этом так: «Все белые всегда виноваты перед всеми черными и должны эту вину искупать. Так и все мужчины виноваты перед всеми женщинами, даже те, которые ни одну женщину пальцем не тронули без ее на то согласия. То есть “новая этика” исходит из понятия коллективной вины. Это вина коллективная и вина длящаяся, которую искупить в принципе невозможно»⁴. Именно этот тезис, как мне кажется, и стал одним из импульсов при создании романа, герой которого приговорен к смертной казни за измену жене со студенткой.

В недалеком будущем возраст согласия увеличили до 21 года. В стране введен «режим Общей Гуманизации, в рамках которого возвращена смертная казнь» за экономические преступления и преступления против нравственности. Необходимость такого наказания связана с тем, что подобные поступки, по мнению одного из героев романа, вызывают у тех, кто их совершил, чувство гордости. И вот именно с этим самым чувством гордости, по сути дела, и борется государство. Сергей Фролов, главный герой романа, совершил преступление против нравственности: «Я — университетский преподаватель филологии, познакомился с одной хорошей девушкой, вступил с ней в близость, девушке оказалось меньше двадцати одного года, засекали по камерам при выходе из ее комнаты, приговорили к смертной казни» (с. 151—152). Девушка, как становится ясно из текста, была его студенткой, но этот факт проходит как бы вскользь и никак не отмечается в развитии сюжета.

Имя героя отсылает к одному из фигурантов скандала в Московском университете. Фамилия героини, Мещерская, — это, конечно, «Легкое дыхание» Бунина. Далее в тексте возникает история с «проработкой» на собрании Леонида Добычина — писателя, очень близкого по поэтике Дмитрию Данилову. Вообще литература и некоторые эпизоды истории литературы играют важную роль в тексте романа — и это тоже нечто новое для поэтики Данилова. Включена в него и современность в виде беседы жены героя Светы и начинающего писателя о способах вхождения в литературное сообщество. Кстати, герой и его жена читают один и тот же курс одним и тем же студентам. Да и от диало-

4 Жучкова А.В. Цит. соч.

гов мужа и жены остается впечатление, что герой на самом деле разговаривает с самим собой — как будто это мужская и женская ипостаси одного и того же персонажа.

Сергей Фролов попадает в комфортабельную тюрьму, где может вести жизнь, приближенную к обыденной. Однако в любой момент эта жизнь может прерваться, и никто не знает, когда это произойдет. Это неведение разрушает жизнь близких — жена героя вынуждена уйти с работы, у матери начинается прогрессирующая деменция. Для обеих бесконечное пребывание героя на грани смерти оказывается психологически разрушительным. Обе они переживают случившееся как страшную и при этом совершенно немислимую историю. Привычная жизнь тем не менее оказывается невозможной из-за окружающих, которые испытывают настойчивое любопытство, ни на секунду не забывая об обреченности главного героя. Этот мотив связан в первую очередь с молодыми людьми, привыкшими наблюдать за жизнью других в соцсетях и видеоблогах. «Выросло какое-то поколение монстров», — говорит жена главного героя (с. 97). И вот эта странная бесчеловечность молодежи постоянно подчеркивается автором. Даже девушка, с которой герой вступил в отношения, хоть и сделала попытку его спасти, испытывает в первую очередь именно отстраненное любопытство.

Тематические рамки романа, конечно же, намного шире полемики с «новой этикой». В конце концов, ту отстраненную обезличенную деловитость, с которой героя отправляют на казнь, можно интерпретировать как профессиональное отношение врача, а тюрьму — как больницу или хоспис. И тогда на первый план выходит вечный мотив мировой литературы — отношения героя с собственной смертью: «Вот так считаешь себя кем-то. Ну, там, филологом, научным сотрудником, учёным, извини за выражение. Потом выясняется, что ты просто труп. Мёртвое тело» (с. 166). Однако смерть эту герой в первую очередь переживает как крайнюю несправедливость, от которой не может быть никакого спасения. Он пытается найти утешение в алкоголе, в минутной славе успешного блогера (тут его блокирует соцсеть), в попытке сбежать.

К нему приходят представители четырех религий — православного христианства, ислама, иудаизма и буддизма. Но в разговорах с ними герой тоже не находит утешения. Немного помогает ему только православный священник, которой просто молча сидит рядом и ждет, когда герой уснет. В конечном итоге герой погружается в безразличие, иногда прерывающееся надеждой на то, что казнь никогда не состоится. Никакого преодоления и преображения не происходит. В мире побеждают несправедливость и пронизывающее все холодное любопытство: «Серёжа сидит на скамейке в тюремном саду и неподвижно смотрит на реальность — на московскую улицу, которая видна со скамейки. По улице идут люди, едут трамваи, машины, там оживлённая жизнь. По саду бродят молчаливые фигуры, никто не обращается к Серёже, и Серёжа тоже ни к кому не обращается. Серёжа просто сидит и смотрит на московскую улицу» (с. 162).

Финал романа можно трактовать по-разному. Можно сделать вывод, что вся эта история с осуждением и заключением в тюрьму была затеяна с целью перевоспитать героя, и в конечном итоге его выпускают на свободу: «Серёжа и Антон начинают идти по коридору. Как положено — Серёжа по полосе, которая ведёт к Красной зоне, Антон — параллельно. Они идут и мирно разговаривают. Они идут, идут. Коридор всё длится, и вот он уже постепенно прекра-

щается. Серёжа и Антон идут теперь просто по улицам Москвы. Мы видим их немного издалека, со спины. Мы понимаем, что они оживлённо разговаривают, смеются» (с. 246). А можно решить, что казнь совершилась, и герою все это привиделось перед смертью или же он оказался в другой, лучшей жизни, где нет ни механической «справедливости», ни досужего любопытства.

Эта двойственность, конечно же, прямо отсылает к «Приглашению на казнь» Набокова, а изображение бюрократической машины очень напоминает «Процесс» Кафки. Хотя элементы поэтики абсурда, в полной мере воплотившиеся в этом романе, встречались и в ранней прозе Дмитрия Данилова. Однако в романе «Саша, привет!» резко сокращается дистанция между автором и текстом. Этой книгой писатель дает свой ответ на запросы времени. И это изменение позиции представляется мне принципиальным.